

ЛЮБОВЬ И ШОК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ
АФФЕКТИВНЫХ СОСТОЯНИЙ

Международная конференция «Революционная любовь»

(Фестиваль Свободной Республики Вены [Die Wiener Festwochen],
Австрия, 20–21 июня 2025 год)

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_418

В 2025 году на волне продолжения и разворачивания «аффективного поворота» интерес международного академического сообщества к темам чувств, аффектов и эмоций только растет. В этом обзоре представлены две конференции, посвященные предельным и сильнейшим состояниям чувственного опыта — (революционной) любви и шоку.

20 и 21 июня в Вене в рамках Фестиваля Свободной Республики Вены (*Die Wiener Festwochen*) состоялась Международная конференция «Революционная любовь» (*Revolutionary Love*), посвященная взаимосвязям между революцией и любовью. Революция, понимаемая одновременно как историческое событие и как переворот эпистемологических оснований, находится в напряженных отношениях с чувством любви, сочетающим в себе стремление к всеобщему единению и избирательное желание единичного другого. В историографии любовь зачастую вытесняется как нерелевантная тема, в то время как революция ожидаемо исключена из *love studies*. Однако революции укоренены не только в социально-политической необходимости, но и в братской, сестринской, товарищеской любви, развивающейся в предреволюционной среде. Различные формы солидарности можно обнаружить как на фабриках, так и на баррикадах. Чувство любви порождает прогрессивные законы и манифесты, переворачивающие общественное понимание близких отношений. Как можно переизобрести любовь одновременно с преобразованием мира? Почему проекты по реорганизации сферы воспроизводства, создававшиеся в начале XX века, сейчас кажутся научной фантастикой? Зачем экономика капиталистической коммодификации стремится подчинить себе даже романтическое желание? Обладает ли любовь революционным потенциалом? Может ли любовь спасти мир? Эти и многие другие вопросы обсуждались на конференции.

Первый день открылся докладом «*Политика радикальной нежности*» немецкой журналистки и писательницы Шейды Курт (Берлин, Германия). По мнению Курт, романтическая любовь всегда была неотъемлемой частью капиталистического общества и никогда не имела освободительного потенциала. Докладчица критически подошла к тому, что любовь преодолевает классовые различия и спасает от одиночества, восполняя пустоту, оставленную отчуждением. Как показала Курт, романтическая любовь лишь погружает людей в межличностную драму, отвлекая от социальных проблем. Докладчица задалась вопросом, могут ли люди позволить себе говорить о любви, когда вокруг происходит столько жестокости. По ее мнению, цена разговора о любви — молчание о насилии и бесчеловечных преступлениях. Поэтому Курт предложила новый способ говорить о любви, не приносящий в жертву политическую осознанность. Для этого она ввела концепт «класса разбитого сердца». Дело в том, что любовь и знание тесно переплетены: чем больше ты узнаешь о другом, тем сильнее его любишь. Поэтому политическая осознанность в наи-

более полном виде доступна классу разбитого сердца. К этому классу, согласно Курт, принадлежат как несчастные влюбленные, так и угнетенные группы, знакомые с социальной несправедливостью и уязвимостью. Невозможность встроиться в существующий порядок позволяет классу разбитого сердца быть восприимчивым к элементам еще не наступившего будущего. В докладе Курт утверждала, что именно в разрыве между разочаровывающим опытом и надеждой на лучшее открывается пространство для новых способов жизни. К ним относится политика радикальной нежности — программа социальной справедливости, которая позволяет исцелить разбитое сердце, не обращаясь к эскапизму индивидуальной романтической любви. Курт опирается на идеи Александры Коллонтай, русской революционерки и первой в мире женщины-министра, предложившей принципиально новую форму любви как товарищества. Докладчица пришла к выводу, что именно класс разбитых сердец сможет организовать новую форму отношений на основе практик заботы и солидарности.

Доклад «*Любовь к природе не спасет Землю: о необходимости классового конфликта в экологии*» социолога *Николая Шульца* (Школа Архитектуры в Орхусе, Дания) был посвящен экзистенциальным и социологическим аспектам антропоцена. Шульц проанализировал ключевой тезис современной политической экологии, согласно которому любовь к планете может спасти мир. Опираясь на данные социологических исследований, докладчик показал, что эта идея не способна в достаточной степени побудить население к активным действиям в рамках экологического движения. Критически малая часть людей вовлечена в экологическую политику, а окружающая среда разрушается стремительнее, чем люди успевают самоорганизоваться для ее сохранения. В докладе Шульц представил основной тезис своей книги «*О становлении экологического класса. Меморандум*» (*Suhrkamp*, 2022), написанной совместно с Бруно Латуром: логика экологического движения должна выстраиваться не вокруг любви к природе, а вокруг конфликта. Согласно исследованиям Шульца, конфликтный нарратив позволяет определить четкие границы движения и задать направление развития политической экологии. Шульц проанализировал сферу символического и культурного производства «зеленых» движений и показал, что политические экологи чрезмерно полагаются на образ катастрофы в своих кампаниях. Пытаясь эксплуатировать чувство паники, они, по мнению Шульца, не предлагают целевой аудитории позитивных образов, вызывающих желание с ними идентифицироваться. Шульц отметил, что недостаток харизмы может стать для «зеленых» партий в Европе фатальным. Докладчик указал на то, что проблема политических экологов заключается в чрезмерной опоре на абстрактное чувство любви к планете, особенно в сфере эстетики. Политические экологи не могут претендовать на серьезные политические позиции, пока не приведут свой нарратив и эстетическое производство в соответствие с конфликтными политическими реалиями. Шульц предложил не отказываться от эстетики любви полностью, а переосмыслить ее место в нарративе политической экологии.

Турецкая писательница и политическая мыслительница *Эдже Темелкуран* (Берлин, Германия) в докладе «*Вместе против бессердечного мира*» выступила против цинизма, высмеивающего саму возможность революционной любви. По мнению Темелкуран, распространение цинизма в современном мире указывает на то, что вера в человечество была утрачена. Цинизм, навязанный людям извне моралью неолиберальной системы, блокирует любые альтернативные возможности для лучшего будущего. Мысль о том, что демократические институты способны защитить человечество от авторитаризма, лишь поддерживает статус-кво. Лучший мир, с точки зрения Темелкуран, возможен, только если люди отвергнут цинизм и позволят любви вернуться в политику, противопоставив веру в человечество без-

душному миру. Темелкуран указала на то, что препятствие на пути к изменению мира заключается не в отсутствии у людей надежды. Для иллюстрации своей мысли она задала аудитории два вопроса: «Что бы люди сделали иначе, если бы им сказали, что надежда есть? Каким образом изменился бы их ответ, если бы им сказали, что надежды нет?» Темелкуран пришла к выводу, что наличие или отсутствие надежды само по себе ничего не изменит, пока люди лишены веры в человечество. Лишь моральная трансформация может вывести людей из состояния политической катастрофы. Докладчица указала на то, что внутренняя красота человека стоит того, чтобы за нее бороться. По мнению Темелкуран, необходимо отказаться от неолиберального представления об эгоистичной сущности человека и утвердить его как существо, достойное любви. Только тогда человечество сможет обрести политическую волю, способную вывести политику из кризиса цинизма. Согласно Темелкуран, непримиримая любовь к человечеству и является революционной любовью.

Философ *Сречко Хорват* (Загреб, Хорватия) в докладе «*Любовь в последние времена*» продемонстрировал, что любовь следует заново переосмыслить в мире, приближающемся к апокалипсису. Хорват предположил, что концепт революционной любви может стать основой для деконструкции «апокалиптического духа времени» и опорой перед лицом конца света. Докладчик утверждал, что проявления революционной любви можно встретить на протяжении всей недавней истории: от революций прошлого до постапокалиптических сценариев будущего. Хорват представил основные идеи Гюнтера Андерса, первого мужа Ханны Арендт и философа, который, по мнению докладчика, наиболее полно приблизился к пониманию смысла конца света. Андерс собирал данные о двух наиболее масштабных катастрофах своего времени: Холокосте и ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Для него наступление ядерного века было неотвратимо связано с концом света. Опираясь на идеи Андерса, Хорват показал, что даже во времена апокалипсиса есть место для любви. Основным мотивом доклада стало переплетение любви, конца света и революции. Хорват продемонстрировал, как любовь вписана в биографии самых ярких революционеров. Докладчик обратил внимание на романтическую переписку между революционерами и их возлюбленными, среди которых были Владимир Ленин и его соратница Инесса Арманд, Антонио Грамши и его жена, советская скрипачка Юлия Шухт, а также Эрнесто Че Гевара и его вторая супруга Алейда Марч. На примере этих отношений Хорват показывает, что жизнь ключевых фигур революционных движений немыслима вне напряжения между революцией и любовью. Революционная любовь особенно интенсивно проявляется в чувстве солидарности и заботы. Хорват показывает, что во время революционных событий возникали институты, традиционно ассоциирующиеся со сферой любви. Докладчик приводит в пример организации «интегрального образования» во время Парижской коммуны и Женотдел ЦК РКП(б), возглавляемый Инессой Арманд, а затем Александрой Коллонтай. Хорват предложил отойти от эгоистического понимания любви и трансформировать ее в любовь к самому различию.

Оксана Тимофеева (Университет искусств Берлина, Германия) открыла второй день конференции докладом «*Мальчики-звери Фрейда: Несостоявшаяся любовь*», в котором анализировалась роль животного начала в мужской гендерной социализации на примере клинического случая маленького Ганса, описанного Зигмундом Фрейдом. Интерпретация докладчицы выстраивается вокруг ее концепта «машинности маскулинности», который описывает психологические и антропологические аспекты патриархата как доминирующей парадигмы современности. Машина маскулинности, согласно Тимофеевой, функционирует как механизм эксплуатации страха, который запускает цикл превентивного насилия между мужчинами. Страх

приходит на смену чувству любви в раннем детстве, когда, в соответствии с эдиповым комплексом, любовь к матери вытесняется страхом кастрации. Реакцией на этот страх становится фантазия об убийстве отца. Однако, как показала Тимофеева, фантазии об отцеубийстве предшествует более глубинная фантазия о детоубийстве. Например, история Эдипа начинается, когда Лай, царь Фив и отец Эдипа, оставляет своего новорожденного сына на горе Киферон умирать, поскольку верит пророчеству о том, что он будет убит собственным сыном. На этой логике превентивного удара и основана работа машины маскулинности, запускающая цикл насилия между отцами и сыновьями. Но что происходит с теми, кто не принадлежит к миру маскулинности? Тимофеева обратилась к клиническому случаю маленького Ганса, чтобы ответить на этот вопрос. И Фрейд, и отец Ганса связывают страх мальчика перед лошадьми с эдиповым комплексом. Однако Тимофеева предлагает иную интерпретацию. Дело в том, что однажды маленький Ганс становится свидетелем избиения лошади, и отец уверяет испуганного сына, что лошадь не чувствует боли, когда ее бьют. По мнению Тимофеевой, в этот момент отец помогает Гансу принять порядок «взрослого» мира маскулинного насилия. Если прежде в психическом мире маленького Ганса все существа — и лошадь, и мать, и отец, и он сам — были равны, все были «лошадьми», которым можно сочувствовать, то теперь мир разделился на тех, кого бьют, и тех, кто бьет. Женщины, дети, безумцы, животные и все остальные, кто не вписывается в классические стандарты маскулинности, маркируются как «не чувствующие боли». Тимофеева завершила доклад мыслью о том, что с переходом во «взрослый» мир насилия ребенок утрачивает то, что Тимофеева назвала «лошадностью», а именно способность к состраданию.

Писатель и художник *Джеймс Брайдл* (Афины, Греция) выступил с докладом «*Ты принадлежишь Земле*», в котором представил природу как условие возможности политики. Он обратил внимание на примеры из «более-чем-человеческой политики», в рамках которой взаимодействия между разными формами жизни влияют на политические решения международного уровня. Брайдл анализирует явление аномального увеличения популяции полосатых крылаток (*Pterois volitans*) в Средиземном море, называя этот вид «экологическими мигрантами», появившимися в новой экосистеме после строительства Суэцкого канала. В настоящий момент вид полосатых крылаток ставит под угрозу стабильность экосистемы Средиземного моря. Докладчик отмечает, что вопрос о том, как будет выглядеть экосистема моря, зависит не только от людей, но и от способности всех существ, обитающих в этом регионе, к самоорганизации на взаимовыгодных условиях. Поэтому Брайдл заинтересовался тем, как разные формы интеллекта, дифференцируясь, образуют межвидовую солидарность. Докладчик утверждал, что люди не отделены от мира, а лишь являются его частью. Мир способен чувствовать людей так же, как люди способны воспринимать других существ. Брайдл показал результаты исследования, согласно которому покрытосеменные растения способны «чувствовать» присутствие других живых организмов. Листовая часть цветка, улавливая вибрации, реагирует на движение животных и насекомых, которые способствуют процессу опыления. Эти примеры позволили докладчику сделать вывод о том, что люди находятся в единой для всех обитателей планеты сети восприятий и взаимных чувственных реакций. Организмы воспринимают мир по-разному, но все они могут быть причастны к революционной любви. По мнению Брайдла, она заключается в любви к любым формам жизни и солидарности со всеми существами на планете Земля. Природа способна ответить взаимностью лишь на безусловную любовь. Брайдл приходит к выводу, что изменение восприятия людьми участников экологических сетей может трансформировать международные законы, создав условия для процветания всех живых существ на планете.

В докладе на тему «Свобода, Революция и Любовь» британский археолог Дэвид Венгроу (Университетский колледж Лондона, Великобритания) обратил внимание на влияние представлений о свободе на отношения дружбы, товарищества и любви. Для этого он провел этимологический анализ слов «свобода» и «дружба» в индоевропейских языках, ссылаясь на исследования французского лингвиста Э. Бенвениста. Слово «свобода» (англ. *freedom*) этимологически связано со словом друг (англ. *friend*) древнегерманского происхождения. Изначально это слово указывало на особую форму близости, возникавшую в бою между воинами-мужчинами и противопоставленную романтической или семейной близости. Ряд немецких исследователей конца XIX века связывали эту форму мужского содружества с сущностью политической свободы как таковой, проводя неверную ассоциацию свободы с маскулинностью. Опасность такой логики заключается в возникновении зеркальной ассоциации «женского» с несвободой, что приводит к усугублению дискриминации феминных элементов в политике. Однако Венгроу отметил, что форма дружбы мужчин-воинов в древнегерманских племенах не исчерпывает весь спектр возможных форм свободных отношений. Эта форма свободы сформировалась в определенных исторических условиях как локальное явление европейского феодализма и, следовательно, не может быть навязана всем сообществам. Альтернативную форму отношений Венгроу выводит из греческого корня *xenos*, лежащего в основе слова «гостеприимство» (др.-греч. *philoxenia*). Этот корень отсылает к дружеским связям, которые зарождаются в акте принятия тех, кого считают чужаком, кто лишен прав и средств к существованию. Согласно Венгроу, это лишь один из примеров, предлагающих альтернативную интерпретацию истории понятий «дружба» и «свобода». В заключение доклада он предложил выйти за пределы «западного» канона идей и оспорить узкий круг концепций, претендующих на универсальное описание человеческих отношений.

Конференцию завершил доклад на тему «Любовь и демократия» Евы Иллуз (Университет Цеппелина, Фридрихсхафен, Германия). Иллуз представила результаты своего исследования взаимосвязи между любовью и капитализмом. Ее главный тезис состоял в том, что культура потребления напрямую связана с коммерциализацией романтических отношений. Иллуз продемонстрировала, что, несмотря на видимость полной свободы в сфере романтических отношений в современном мире, капитализм не освобождает, а, напротив, подвергает их коммодификации. Для иллюстрации этой мысли Иллуз приводит анализ феномена «секса на одну ночь», или «хукапа» (от англ. *hook-up*), зародившегося в 1970-е годы на Западе. Значимой частью этого явления становятся приложения для знакомств, предлагающие подобрать партнера для секса без обязательств. Пользовательский интерфейс и логика приложений устроены таким образом, что тела пользователей оказываются в функциональной позиции одноразового товара. В рамках подобных взаимодействий отношение к партнеру становится потребительским: его тело рассматривается лишь как средство для извлечения удовольствия. Иллуз продемонстрировала, что для культуры потребления фундаментален акт избавления от использованного товара, который и позволяет циклу потребления возобновиться. В случае хукап-культуры цикл восстанавливается после однократного полового акта. В приложениях для знакомств профиль пользователя становится упаковкой для его тела-товара, продвигаемого по законам рынка. По мнению Иллуз, капитализм влияет на восприятие свободы, индивидуализма и механизма выбора. Доклад завершился мыслью о том, что в результате коммодификации интимных связей утрачивается важная черта романтических отношений, заключающаяся в готовности пожертвовать другими возможностями ради сохранения верности своему выбору.